

Бардодым был из той породы поэтов, которые чуют нутром и отстаивают такие понятия, как совесть, честь и долг. Литературный образ, с которым он выступал, напоминает сразу Байрона, Лермонтова, Гумилёва, Симонова, Лимонова. Все — опытные бойцы, прошедшие войну, и галантные кавалеры, пленяющие своим изысканным слогом дивных дам. Бардодым определённо входит в эту компанию.

На выступлениях поэт носил комбинезон бронетанковых войск, который ему достался из недавнего армейского прошлого. Стройный молодец (о нём хочется говорить именно в таких былинных тонах), затянутый в ремень и портупею, в сапогах, надраенных до блеска, — загляденье, да и только. Герой своего тяжёлого времени и герой на все времена.

По отцовской линии Бардодым происходил из запорожских казаков. Юноша был пылкий и горячий. Он знал и любил Абхазию, язык её народа был для него понятный и родной. Переводил поэтов республики на русский язык, и в его собственной лирике звучали абхазские мотивы. При каждом удобном случае Бардодым улетал в Абхазию. Случись у него каникулы или отпуск, он их проведёт в Новом Афоне, Гудауте, Ткварчале или Сухуми.

В Абхазии он вёл бурную литературную жизнь: чтения, переводы, поездки в разнообразные селения, горы, пещеры. Было у него множество друзей, которые погружали его

в культуру этой страны: он был с ними на свадьбах и поминаньях, стоял плечом к плечу на митингах и под пулями на берегу Галидзги в 1989 году.

В Москве он стал членом Ордена куртуазных маньеристов. Получается почти по Фазилю Искандеру: Сандро из ОКМ'а. Успел он сняться в фильме «За брызгами алмазных струй» и поучаствовать в нескольких поэтических сборниках Ордена. «Послушницы» ОКМ вспоминают о нём как о моторе шумной компании. Казалось, будто не он приходит к готовым событиям, а события расцветают вокруг него.

Куртуазные маньеристы по своей поэтической природе, по своей организации, по своим характерам органично рифмуются с другим московским Орденом, который сформировался в начале XX века — с Орденом имажинистов. Про главных зачинателей можно и нужно спорить, а вот фигура кавказца, черкеса, горячего, гордого и полного пламенных речей — абсолютно точно есть и у первых, и у вторых. Если у имажинистов этот образ создавал Сандро Кусиков, то у маньеристов — Александр Бардодым.

Вспоминается известное стихотворение последнего — «Мой Image».

*Очарует рифм розарий
Куртизанку и святую.
В Петербурге я гусарю,
На Кавказе джигитую.*

Андрей Добрынин и Вадим Степанцов, два других видных участника ОКМ, подобные историко-литературные рифмы отрицают. Но тем, может быть, и ценнее для русской литературы такая случайность.

Когда начался абхазо-грузинский конфликт, он же — война, Бардодым тайком ушёл из родительского дома, попрощался с друзьями и, собравшись с иными

добровольцами в одном из абхазских московских кафе, двинулся в Черкесск. История любит случайности и совпадения. Поэтому кажется с одной стороны удивительным, с другой — закономерным, что молодой казак начал свой боевой путь именно с города, который был одной из главных колыбелей казачества.

Те же «послушницы» ОКМ пишут, что Бардодым всегда мечтал о поступке. Даже вот так — о Поступке. И когда началось вторжение в Абхазию, сразу решил, что его место именно там... Из Черкесска, как вспоминает один из участников той войны, с группой добровольцев в 100 человек они выехали в Грозный, где уже были сформированы команды чеченцев, кабардинцев, абазин, адыгейцев, черкесов, абхазов — всего 250 человек. Бардодым там был единственным, кто из всей московской группы получил оружие и сразу же вошёл в группу Шамиля Басаева. Тогда же появляются такие стихи:

*Над грозным городом раскаты,
Гуляет буря между скал.
Мы заряжаем автоматы
И переходим перевал...*

В тот момент слово «грозный» не имело значения, которое появилось у него спустя несколько лет, и никак не ассоциировалось с конкретным чеченским городом. Это случится позже.

Провоевал Бардодым чуть больше трёх недель. Он погиб в сентябре 1992 года, близ Эшер, незадолго до своего 26-летия. Его убили свои же — «товарищи по оружию».

Когда гроб там, в далёкой Абхазии, пытались погрузить в самолёт, чтобы доставить тело поэта в Москву, ничего не вышло. Не были оформлены какие-то документы, чего-то, как всегда, не хватило. И он навсегда остался в Абхазии.

Похоронили его на Новом Афоне.

Что касается его смерти, то она овеяна уже слухами и легендами. Эдуард Лимонов в книге «Убийство часового» писал, что Бардодыма убил из его собственного же автомата какой-то кабардинец. Из-за чего? По пьяни. По другой версии — его убил сам Басаев за то, что поэт, будучи корреспондентом ВВС, периодически писал для этой конторы о войне.

Есть и третья версия — она же первая официальная. В Литературный институт в 1992 году пришла телеграмма, где было сказано, что молодой человек погиб от случайной пули. Караван машин ехал по ущелью. Начался обстрел. И единственным, кому не повезло в этот день, оказался Бардодым.

Впрочем, ни опровергнуть, ни подтвердить ни одну из этих версий уже не получится...

В абхазском языке есть пара интересных слов: «ахаца» — герой, «афырхаца» — герой из героев. Афырхаца — так абхазы окрестили Александра Бардодыма.